

МАЙЗУЛЬС МИХАИЛ РОМАНОВИЧ

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ

maizuls@gmail.com

Периодическая система наказаний. Рецензия на: *Пильгун А.В.* Потусторонний мир Средневековья. Рай, чистилище, ад и их персонажи в визионерских текстах и миниатюрах из западно-европейских рукописей IX–XV веков. СПб.: Гамма, 2019. 468 с., 454 цв. илл.

MIKHAIL MAIZULS

Candidate of Sciences (History), Research Fellow of the Center for Visual Studies in Medieval and Early Modern Culture, Russian State University for Humanities

maizuls@gmail.com

Review on: *Pilgoun A.* The Other World in the Middle Ages: Heaven, Purgatory, Hell, and their Inhabitants in Visionary Texts and Images from Western Medieval Illuminated Manuscripts, from the 9th to late 15th Century. Moscow: GAMMA-PRESS, 2019. 468 p., 454 colour ill.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Майзульс М.Р. Периодическая система наказаний. Рецензия на: *Пильгун А.В.* Потусторонний мир Средневековья. Рай, чистилище, ад и их персонажи в визионерских текстах и миниатюрах из западно-европейских рукописей IX–XV веков. СПб.: Гамма, 2019. 468 с., 454 цв. илл. [Электронный ресурс] // *Vox medii aevi*. 2021. Vol. 1(8). С. 146–159. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2021-1-maizuls>

DOI

10.24412/2587-6619-2021-1-146-159

FOR CITATION

Maizuls M. Review on: *Pilgoun A.* The Other World in the Middle Ages: Heaven, Purgatory, Hell, and their Inhabitants in Visionary Texts and Images from Western Medieval Illuminated Manuscripts, from the 9th to late 15th Century. Moscow: GAMMA-PRESS, 2019. 468 p., 454 colour ill. // *Vox medii aevi*. 2021. Vol. 1(8). P. 146–159. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2021-1-maizuls>

DOI

10.24412/2587-6619-2021-1-146-159

Периодическая система наказаний

Если мы хотим разобраться в том, как в Средние века представляли устройство загробного мира и участь, ожидающую душу после расставания с телом, нам не найти лучшего путеводителя, чем новая книга Андрея Пильгуна. В 2012 г. он выпустил прекрасно иллюстрированный том «Вселенная Средневековья. Космос, звезды, планеты и подлунный мир в иллюстрациях из западноевропейских рукописей VIII–XVI веков». Семь лет спустя пришло время для такого же фолианта, посвященного аду, раю, чистилищу и визионерским «хождениям» на тот свет.

Сразу скажу, что перед нами событие не только для российской, но и для мировой медиевистики. Этот труд потребовал от автора многолетней увлеченности, а от издателя — немалой смелости (том большого формата, мелованная бумага, более 450 цветных иллюстраций, сложный макет). По жанру перед нами систематический путеводитель по средневековой визионерской традиции, образам мира иного и иконографии рая, ада и чистилища. Такой синтез стал возможен благодаря работам Жака Ле Гоффа, Петера Динцельбахера, Арона Гуревича, Клода Кародзи, Жерома Баше и других историков, которые тщательно изучили средневековые представления о посмертной жизни души, связанные с ними практики (поминовение усопших, «счетоводство» чистилища) и иконографию загробного воздаяния¹.

В отличие от «Рождения чистилища» Жака Ле Гоффа или «Путешествия души на тот свет в латинской литературе V–XIII вв.» Клода Кародзи, Андрей Пильгун не ставит перед

1. Ле Гофф Ж. Рождение чистилища. М.; Екатеринбург, 2009; Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; Dinzelsbacher P. Vision und Visionsliteratur im Mittelalters. Stuttgart, 1981; Carozzi Cl. Le voyage de l'âme dans l'au-delà d'après la littérature latine (V^e – XIIIe siècle). Rome, 1994; Baschet J. Les justices de l'au-delà. Les représentations de l'enfer en France et en Italie (XIIe – XVe siècle). Rome, 1993.

Илл. 1. «Потусторонний мир Средневековья» в футляре.

собой цель проследить историю представлений о мире ином в их изменчивости, социальном бытовании и связи с богословским дискурсом, *cura animarum* или трансформациями в картине мира. Его главная задача иная — описать риторическую топику видений и функционирование мира иного в визионерской традиции, каталогизировать все элементы воображаемого и показать, как эта колоссальная система была устроена². Перед нами срез единой традиции, которая вышла из иудейских и христианских апокалипсисов рубежа старой и новой эры и в латинском мире сохраняла витальность вплоть до XIII в.³

Во введении Андрей Пильгун очерчивает корпус средневековых видений загробного мира и описывает «анатомию» этого типа текстов. Первая часть посвящена «предыстории» мира иного, которая прямо не фигурирует в видениях, но важна для понимания логики, лежащей в основе христианской сотериологии и эсхатологии. Речь идет о сотворении мира — «отправной точке в истории Земли, человечества и видимого (физического) космоса» (с. 31). В начале времен был сотворен не только материальный мир, но и мир иной; произошел мятеж Люцифера, ангелы, отпавшие вслед за ним, превратились в демонов — зло вошло в мир; Адам и Ева, по наущению дьявола, совершили грехопадение, утратили бессмертие и были изгнаны из земного рая. Потому в первой части книги Пиль-

2. По энциклопедической широте «Потусторонний мир Средневековья» стоит в одном ряду с работами Александра Махова, посвященными средневековой демонологии. См., например: Махов А. Е. Средневековый образ между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М., 2011.

3. В XIII в. интерес к посмертной участи души, само собой, не иссяк. Однако в эту эпоху большие хождения в мир иной постепенно перестали писать. Старые тексты копировали и читали, время от времени появлялись новые, но в целом они уступили место другим форматам: мистическим откровениям о слиянии с Богом; кратким видениям из *exempla*; аллегорическим снам и видениям (как «Странствие души» Гийома де Дегильвиля). В отличие от более ранних «хождений», последние позиционировались как литературные сочинения, а не как реальные откровения конкретного человека, который «в духе» побывал на том свете.

гун исследует иконографию падших ангелов и образы преисподней в изобразительных циклах Творения.

Во второй части мы вслед за средневековыми визионерами отправляемся в путь. Автор разбивает массив видений на сюжетные блоки и по очереди описывает основных персонажей, действующих в мире ином. Повествование начинается с главного из них — души умершего. Вопрос, значимый как для христианской антропологии, так и для иконографии — как «выглядят» бестелесные души, сохраняют ли они какие-то черты (пол, возраст, индивидуальные особенности) тел, в которых пребывали в мире земном? В средневековых видениях загробного мира они принимают множество разных форм: от антропоморфных (крошечные нагие фигурки или люди в том же обличье, какое у них было при жизни) до зооморфных (птица) и бестелесных либо геометрических (дымок, дуновение, сфера, которая зрит во все стороны).

Здесь Андрей Пильгун анализирует важнейший механизм, лежавший в основе христианской картины мира иного: овеществление библейских метафор, которые говорили об участии души после разлучения с телом, и описание невидимого и невыразимого на языке «подобий» (*similitudines*). «Визионер способен воспринимать бестелесные субстанции в загробном мире лишь в форме «как бы» (*quasi*) физических объектов. К тому же это единственная форма, в которой он может передать увиденное окружающим по возвращении в мир земной» (с. 387). «Опредмечивание души — исходный пункт в создании панорамы потустороннего мира: вокруг видимой и как бы телесной души выстраивается *quasi*-физическая реальность» (с. 69).

Читая «репортажи» из мира иного, которые цитирует Пильгун, важно помнить об одном принципиальном моменте: по поводу природы загробного воздаяния и степени материальности мук в Средние века существовало немало сомнений и разногласий⁴. Одни богословы полагали, что ад — это материальное пространство под землей, и там пылает реальное пламя; другие склонялись к представлению о том, что все описания преисподней — это метафоры вечной смерти и терзаний души; большинство балансировало между этими полю-

4. См., например: Carozzi Cl. Le voyage de l'âme... P. 529–557.

сами и рассуждало о неких формах телесности бестелесного. Потому рассказы визионеров можно было толковать по-разному, и к ним далеко не всегда относились с доверием.

Вслед за душами умерших Пильгун переходит к роли и облику ангелов, от них — к inferнальным тварям (драконам, змеям, червям, жабам, кабанам), а потом — к демонам и их повелителю, сатане. Мы узнаем, как в видениях, призванных внушить читателям и слушателям ужас перед загробными муками и отвратить их от греха, выглядели главные палачи — бесы; как были устроены их тела; чем нечистые духи пахли; как двигались; какими инструментами истязали грешников; как принимали чужие обличья, чтобы ввести людей в искушение и погубить их души (хотя книга посвящена миру иному, автор анализирует и сюжеты, связанные с активностью бесов в земном пространстве)⁵. Заключает вторую часть глава о пасти ада. Этот мотив, известный в текстах и особенно значимый в иконографии преисподней, совмещал две роли: inferнального чудовища, которое пожирает грешников, и метафорического обозначения входа в ад или всей преисподней как таковой.

Отсюда автор делает логичный переход к третьей части книги, посвященной пространствам и архитектонике царствия небесного и преисподней. Чистилище занимает в работе немного места. В классических видениях VII–XIII вв. его вовсе нет, или оно появляется не как отдельный отсек мира иного, а как одна из частей или функций ада. Перед нами проходят основные «стихии», из которых из века в век складывались образы преисподней (огонь, холод, тьма, ветер, смрад), а также ключевые локусы и объекты — «кирпичики» inferнального воображаемого: ледяные и огненные долины, бездонные пропасти и колодцы, скалистые горы, узкие мосты и башни, из которых вырывается пламя, серные реки и т.д. Мы узнаем о том, в каких расплавленных металлах сгорают души и из какого материала сделаны те или иные предметы, упомянутые в видениях (например, из железа — крюки, трезубцы, цепи, гвозди, лестницы и мосты).

В большинстве видений очистительные и вечные муки так или иначе систематизированы и индивидуализированы. Через них выстраивается иерархия грехов и социальная типо-

5. Иконография дьявольских наваждений также была исследована Александром Маховым: *Махов А. Е. Средневековый образ... С. 42–48.*

логия грешников, столь значимые для дидактического послания таких видений. Как показывает автор, описания мук были организованы в соответствии с несколькими базовыми принципами: «1) грехи многочисленны и разнообразны; 2) вследствие этого дифференцированы и муки, число которых огромно; 3) длительность мук исключительно велика; 4) их тяжесть безмерна; 5) наказание может быть непосредственно обращено на согрешивший член тела; 6) характер наказания соответствует типу (специфике) греха, иначе говоря, подобное наказуется подобным (качественное соответствие греха и наказания; 7) грех может быть измерен (взвешен), и тяжесть наказания соразмерна степени греховности; 8) вместе с грешниками могут испытывать муки и сами мучители (черви, драконы, дьявол)» (с. 290).

Кроме того, в механике преисподней огромную роль играли цикличность (чередование разных типов мук, циклы: поглощение — извержение — поглощение, сожжение — восстановление — сожжение) и символическое соответствие греха и наказания. Стихии ада или демоны атакуют те органы, которыми человек грешил; грешники держат в руках предметы, напоминающие об их преступлениях; они разыгрывают сложные действия, повторяющие поступки, которые обрекли их на муки, или превращающие греховное наслаждение в наказание: обжоры сидят за столом с яствами, но не могут до них дотянуться и изнывают от вечного голода.

Четвертая часть «Потустороннего мира Средневековья» посвящена мотивам, которые соотносили мир земной и мир потусторонний, опыт тела и опыт души. Например, во многих текстах говорилось, что раны, которые душа визионера получила на том свете, по пробуждению (воскресению) обнаружались и на его теле. Такие утверждения играли важную роль в верификации откровений и в легитимации их послания.

В начале второй части книги, посвященной переходу души в мир иной, Андрей Пильгун подмечает любопытный момент. В Санкт-Галленском списке «Видения апостола Павла», опубликованном в 1935 г. Теодором Сильверстайном, «освобождение души от плоти и смена статуса подчеркнуты внезапной сменой грамматического рода⁶. Стоит грешнику мужского пола

6. См. этот фрагмент текста: *Silverstein Th. Visio Sancti Pauli. The History of the Apocalypse in Latin, together with nine Texts. L., 1935. P. 138.*

(*fornicator uel impius*) покинуть свое тело... и попасть к [архангелу] Михаилу (*Michahelo*), как [тот] крестит ее (*eam*) [теперь уже душу] в озере Ахерузий. И вот приводят ее (*eam*) в град Христов к тем, которые не совершили грехов (*iuxta eas qui nihil peccauerunt*); местоимение «тем» (*eas*) — женского рода [душам, уже покинувшим свои тела], а «которые» (*qui*) — мужского [души, в тот момент еще пребывавшие во плоти]. Тем самым *eas* оказываются по ту сторону границы между видимым и невидимым миром, а *qui* — по эту, хотя речь идет об одних и тех же персонажах» (с. 69).

Действительно, описывая посмертную участь душ (это слово в латыни женского рода — *anima*), а потом объясняя, в чем состояли грехи, которые мужчины или женщины совершили при жизни, составитель «Видения апостола Павла» периодически переключается с мужского рода на женский и обратно. Вопрос в том, действительно ли эта ошибка (*qui* вместо *quae/quae*) была сделана намеренно, чтобы подчеркнуть переход между миром земным и миром загробным.

В других рукописях той же редакции «Видения апостола Павла» искомая фраза выглядит иначе. В одном списке участь покаявшегося «прелюбодея или нечестивца» (*fornicator vel impius*) на том свете сразу описывается в мужском роде: архангел Михаил крестит «его» (*eum*), а не «ее» (*eam*). После этого умерший отправится к *eos* («тем» в мужском роде), кто никогда не грешил. В другом списке архангел крестит «ее» (*eam*), но дальше она устремляется в град Христов к *eos, qui nichil peccaverunt*⁷. Тут уже все в мужском роде, и никакого грамматического разногласия между родом души и родом местоимения *qui* нет. Думаю, во фразе, которую приводит Андрей Пильгун, мы имеем дело с ошибкой или особенностью средневековой латыни⁸, а не с тонкой повествовательной стратегией.

Тем не менее автор обратил внимание на важный момент: сочетание, а порой конкуренцию универсально-безличного и индивидуализации. Описывая судьбы умерших и их участь в мире ином, составители средневековых видений то говорили о них как о душах (в женском роде), то подчеркивали пол конкретного умершего и соотносили его муки с совершенными

7. Silverstein Th., Hilhorst A. Apocalypse of Paul. A New Critical Edition of Three Long Latin Versions. Geneva: Patrick Cramer, 1997. P. 118–119.

8. На алтарной панели с изображением Страшного суда (ее датировки колеблются от второй половины XI до первой половины XIII вв.) из римской церкви Санта-Мария-ин-Кампо-Марцио фигура одной из грешниц подписана *mulier qui* [тоже в мужском роде — М. М.] *in ecclesia locuta est* — «женщина, который болтала в церкви» (Baschet B. La distinction des sexes dans l'au-delà médiéval // Clío. Femmes, Genre, Histoire [En ligne]. 2007. № 26. P. 17–36. URL: <http://journals.openedition.org/clio/5363> (дата обращения: 21.04.2021).

преступлениями. В последнем случае души грешников упоминались в мужском роде, а души грешниц — в женском.

***

«Потусторонний мир Средневековья» обзорекает и систематизирует не только тексты хождений в мир иной, но и иконографию загробного воздаяния. Андрей Пильгун собрал колоссальный иллюстративный ряд: сотни книжных миниатюр из нескольких десятков собраний Европы и Америки. Он воспроизводит эти изображения целиком, а многие вдобавок делит на фрагменты. Они служат иллюстрациями к главам книги, посвященным конкретным персонажам, локусам или объектам.

Каждая миниатюра снабжена перечнем основных мотивов и предметов, которые на ней фигурируют. Вот, скажем, как препарирована сцена Страшного суда из Бедфордского часослова (Париж, 1410–1430 гг.): «Ангел венчает душу кроной / Ангел возносит душу (на руках) / Двухзубец в руках демона / Жаба / Змея / Клыки демона / Колесо вращающееся как орудие наказания / Крюк в руках демона / Молот в руках демона (киянка) / Огонь inferнальный / Палка, дубина в руках демона / Пасть, обращенная вверх / Рептилия / Смерть, персонификация (мертвец или скелет) / Страшный суд / Цепь на грешниках» (с. 289, илл. 324). Такая рубрикация — бумажный аналог электронных баз данных, в которых средневековые изображения снабжены ключевыми словами, позволяющими вести поиск по сюжету, персонажам, предметам и другим характеристикам.

Конечно, в «Потустороннем мире Средневековья» первую скрипку играют тексты видений — миниатюры обычно используются для аккомпанемента и редко обсуждаются как самостоятельный тип высказывания. Автор справедливо указывает, что визионерские тексты в Средние века иллюстрировались нечасто. До нас дошла, к примеру, рукопись «Видения Тнугдала», иллюминированная в XV в. Симоном Мармионом. Есть иллюстрации к «Видению апостола Павла». Однако это все равно редкость. Большинство изображений рая, чистилища и ада, которые приведены в книге, взяты из Библий, Апокалипсисов, Часословов, Псалтирей, богословских трактатов

или аллегорических поэм о мироустройстве и странствиях на тот свет. Эти миниатюры визуализировали богословские доктрины, а не рассказ конкретного визионера. Кроме того, большая часть иллюстраций была создана позже, чем хождения в мир иной, которые анализируются в книге.

Как пишет Андрей Пильгун, «на сюжетно-тематическом уровне переключек между рукописными изображениями и видениями мира иного также немного. Причина в том, что основным предметом визионерской литературы является индивидуальный суд над душой, и поэтому описываемые визионерами сцены далеки от библейских (или производных от библейских) сюжетов, таких как низвержение с небес восставших ангелов, их изгнание св. Михаилом, битва св. Михаила с драконом, искушение Адама и Евы, сошествие Христа во ад, Страшный суд, а также от легенд о святых, вроде искушения св. Антония... Влияние визионерской литературы на визуальные памятники удастся проследить скорее на уровне отдельных мотивов, которые проникают в изображения...» (с. 401).

Все это не беда. Миниатюры из Апокалипсисов или из Часословов прямо не связаны с конкретными видениями, но опираются на общую с ними традицию. Однако остается вопрос, как в Средние века дискурс об устройстве мира иного соотносился с иконографией мук преисподней или райских блаженств. Они, конечно, пересекались: многие мотивы, которые мы находим в видениях, перешли и в изображения — автор это убедительно показывает. При этом между текстом и образом существовал немалый зазор, который хотелось бы обсудить чуть подробнее. Художники или скульпторы всегда отбирают в книжности и устной традиции нужные им элементы, переконпоновывают их по-своему, а другие элементы отбрасывают и дополняют тексты-источники деталями, которых там нет.

Самый простой пример, который приводит Андрей Пильгун: в видениях бесы обычно черны, а в позднесредневековой иконографии их тела очень часто бывают выкрашены в разные цвета или пестры: полосаты или пятнисты (с. 25–26, илл. 139, 140, 143). Многоцветье усиливает послание, заложенное в гибридности (сочетании элементов разных существ),

а также телесном хаосе (умножении и перемещении частей тела — дополнительные морды на животе, в паху или на заду). Такое анатомическое смешение — типично визуальный прием, который напоминает о том, что демоны отпали от божественного порядка, подчеркивает их звериную агрессивность и связь с телесным низом. В текстах это коловращение форм тоже может упоминаться, но не играет там такой роли.

Загробный мир, как он предстает во многих видениях, полон знаками, которые сообщают визионеру о том, в чем виновен конкретный нечестивец или сколь долго продлится его очищение от грехов. Такие знаки вездесущи не только в «больших» хождениях в мир иной, которым посвящена книга Пильгуна, но и в более поздних видениях мистиков. Например, в книге откровений венской визионерки Агнес Бланбекки (ум. в 1315) рассказывается о том, как однажды в храме во время богослужения она была восхищена и увидела «множество образов, являющих положение людей и жизнь как мирских, так и духовных особ, священников, клириков, добрых и грешных мирян». В частности, она узрела «злых попов», которые были «целиком обнажены и черны, имели круглую диадему вокруг головы, что означает священническое достоинство и признание [у людей]. Ибо у всех были круглые диадемы, как то изображается у святых, хотя и различные, в зависимости от заслуг... Вся грудь вымазана человеческим калом, что означает гнусность сердечных желаний. Кисти рук были в крови, и она капала с них. Сие указывает, что они недостойно обращаются с телом Господним, как то, уже после видения, ей было растолковано голосом, и знаменует собой несправедливость, жестокость, которую они оказывали находившимся у них под опекой отлучением от Церкви и лишением таинств»⁹. В средневековой иконографии столь сложная символика, отпечатанная на «телах» грешников, почти не встречается.

Визионерские тексты очень часто описывают пространства мира иного на языке гипербол: огненные долины без конца и края, бесконечные поля, утыканные иголками, пропасти, у которых нет дна. «Размах этого удручающего зрелища призван произвести особый эффект — вызвать ощущение драмы,

9. *Элизабет Штагель*. Житие сестер обители Тесс // Изд. подг. М.Ю. Реутин, отв. ред. А.В. Топорова. М., 2019. С. 320.

затрагивающей каждого, и потому великие размеры предметов, огромные масштабы явлений и многолюдность толпы в inferнальном пространстве регулярно отмечаются и настойчиво подчеркиваются в визионерских текстах» (с. 288). Важно, что на протяжении столетий в иконографии посмертного воздаяния ничего подобного не было.

До XIV–XV вв. западные мастера почти не изображали пейзажей и обширных открытых пространств: ни земных, ни райских, ни inferнальных. Это было связано со спецификой визуального языка того времени. На различных типах изображений загробный мир обычно представлял как череда небольших долин, расщелин, пещерок — замкнутых локусов, очерченных скалами, геометрическими бордюрами или архитектурными рамками. Внутри вместо толп грешников, которые описывают тексты, мы, как правило, видим несколько фигур. Эти образы стремились сделать максимально ясными и дидактичными. Как на фресках или мозаиках Страшного суда, так и на миниатюрах многих рукописей отдельные отсеки часто выстроены рядами и напоминают периодическую таблицу загробных кар (илл. 327, 328). Лишь на исходе Средневековья появляются inferнальные пейзажи с десятками мелких фигур, которые напоминают о громадности загробных пространств или бесчисленных сонмах святых (илл. 103, 146, 186, 273, 306).

Хождения в мир иной обычно представляют опыт визионера как череду локусов, которые его душа минует после того, как временно покинет тело. Его путь линеен — такова природа движения и природа рассказа о нем, который выстраивается во времени (будь то время повествования или время чтения). В отличие от устного повествования или письменного текста, изображение допускает иную логику. Например, на миниатюре из Бедфордского часослова, которую я упоминал выше, в центре листа над текстом мы видим большую прямоугольную рамку с полукруглым верхом (см. илл. 2). В ней изображен Страшный суд: Христос-Судия, заступничество Иоанна Крестителя и Девы Марии, разделение праведников и грешников, развернутая вверх пасть преисподней, куда низвергают нечестивцев.

Илл. 2. Бедфордский часослов (1410–1430 гг.). London. British Library. Ms. Add. 18850. Fol. 157r. Источник: https://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=add_ms_18850_f157r

На полях среди растительных побегов (это был привычный декор во французских и фламандских рукописях того времени) помещены окружности, тоже очерченные побегами. В двух из них (наверху, на уровне Христа-Судии) изображены ангелы с орудиями Страстей, в трех (в середине и нижней части листа) — муки ада. Бесы тащат, избивают и закручивают на пыточном колесе тела грешников. Тут уже речь идет не о душах в форме тел, а о реальных телах воскресших — визуально они чаще всего идентичны. Пространство между окружностями тоже населено фигурами, связанными с основным сюжетом. Ангел копьем отгоняет беса, пытающегося завладеть душой, которую он несет на небеса. Внизу лежит ссохшийся труп — от его головы отходит свиток с надписью «О, сколь жестока смерть, как тяжка и горька».

Сценки в окружностях и на полях вне кругов дополняют и комментируют центральное изображение Страшного суда

и позволяют «заглянуть» в преисподнюю, которая на основной миниатюре предстает в виде пасти — входа в ад и одновременно визуального обозначения всех мук того света. «Кирпичики», из которых сложено такое изображение, в целом те же, что во множестве визионерских текстов. Однако логика их стыковки — иная. Чтение такого изображения нелинейно. Взгляд скользит по листу и сканирует связи между локусами и персонажами, а через них разворачивает историю. Она соотносит участь конкретного человека (вот его смрадный труп) и всего человечества, которое предстанет перед Страшным судом, «малую» и «большую» эсхатологию.

***

В конце «Потустороннего мира Средневековья» идут списки и указатели: технические (библиотеки и музеи, использованные миниатюры, библейские цитаты) и принципиально важные для энциклопедического замысла книги (мотивы в текстах и изображениях). Как напоминает Андрей Пильгун, образы преисподней «похожи на ткань, сплетенную из отдельных мотивов словно из многочисленных нитей; одни нити с течением времени обрываются, рядом с ними вплетаются в полотно новые» (с. 20; см. также: с. 395, 397).

Первый указатель охватывает мотивы, которые присутствуют на миниатюрах, опубликованных в книге. Он помогает в них сориентироваться и охватить взором колоссальное разнообразие этой визуальной традиции. Сложность в том, что автор называет «мотивами» сущности разного порядка. В одном ряду идут названия сюжетов («низвержение восставших ангелов», «сошествие Христа во ад»); обозначения ключевых локусов («рай небесный», «лимб патриархов», «ад»); их конкретные модификации или объекты внутри них («ад как обрыв, яма, пропасть», «чан с грешниками»); атрибуты, элементы или характеристики персонажей («крылья перепончатые демона», «язык-фаллос в пасти на животе демона») и т.д. Поскольку указатели, видимо, собраны из описаний конкретных миниатюр, категории дробятся не самым логичным образом. Скажем, в списке отдельно идут «змеи», отдельно — «змея», отдельно — «змей кусает грешника».

В следующем указателе те же визуальные мотивы разбиты по группам (уже без отсылок к конкретным изображениям). Например, из категории «орудия демонов» можно узнать, что на средневековых миниатюрах нечистые духи бывают вооружены баграми, вилами, косами, крюками, пиками, палками, палицами, цепями, тесаками, трезубцами и т. д. Еще одна категория — «музицирование в аду». Внутри нее — перечень инструментов: барабан, бубен, волынка, рог, четырехструнная виела и т.д. Однако часть мотивов очень узка и скорее похожа на описание конкретных миниатюр (которые в этом указателе не идентифицируются): «демон с музыкальным инструментом: рог (из рога животного) с пальцевыми отверстиями (?)».

Последний большой указатель учитывает мотивы из текстов видений. Каждый мотив снабжен указанием источника, где он встречается: «выброс душ (вдох-выдох): Люцифер заглатывает содомитов при вдохе и кашляя выдыхает — *Мехтильда Магдебургская*», «масштаб событий в мире ином: зловоние не описать никому из людей — *Чистилище св. Патрика*», «женщины заталкивают горящие восковые свечи в рот грешнику и вытаскивают их через половые органы — *Видение Гунтельма*». Тем не менее и здесь перед нами часто предстают не описания мотивов, которые в идентичной форме или с какими-то вариациями повторяются из текста в текст, а емкие пересказы сюжетных блоков конкретных видений. Такая степень индивидуализации показывает, как устойчивые мотивы преломляются в разных текстах, но отчасти затрудняет пользование указателем.

Все это ни в коей мере не отменяет главного. «Потусторонний мир Средневековья» — это сумма визионерской литературы и ценнейший инструмент для любого историка, который изучает представления о загробном воздаянии и их отражение в христианской иконографии. На примере хождений в мир

иной Андрей Пильгун показывает, как на практике происходила миграция мотивов из текста в текст и как работала система символизации.

